

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ

ПОСЛЕДНЯЯ СРЕДА

ЖУРНАЛ

ТЕМА НОМЕРА **УКРАИНА**

Журнал «Последняя среда»

Коллектив авторов

**Последняя среда. Литература о
жизни (Тема номера: Украина)**

«Э.РА»

2012

Коллектив авторов

Последняя среда. Литература о жизни (Тема номера: Украина) /
Коллектив авторов — «Э.РА», 2012 — (Журнал «Последняя
среда»)

Наш журнал основан литературным клубом с аналогичным названием «Последняя среда», издательством «Э.РА» и Фондом поддержки независимого книгоиздания. Мы затеваем его, чтобы поговорить о вещах, которые считаем важными. Форма этого разговора – литературная. В жанрах эссе, критической статьи, обзора, рецензии, мемуара, наконец. В качестве иллюстраций мы будем печатать стихи и прозу. Для первого номера мы выбрали тему «Украина». Первый номер журнала во многом состоит из текстов, написанных самими членами его редколлегии.

Содержание

От редактора	6
поэзия	7
Алексей Зарахович (Киев)	7
Выбор	7
Проза	9
Ольга Ильницкая	9
Убей своего мадьяра	9
Второе зачатие	12
Дикая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Журнал «Последняя среда»

Тема номера: Украина

Редакционная коллегия:

Андрей Пустогаров – главный редактор Михаил Ромм Сергей Долгов Илья Трофимов

От редактора

Наш журнал основан литературным клубом с аналогичным названием «Последняя среда», издательством «Э.РА» и Фондом поддержки независимого книгоиздания. Мы затеваем его, чтобы поговорить о вещах, которые считаем важными. Форма этого разговора – литературная. В жанрах эссе, критической статьи, обзора, рецензии, мемуара, наконец. В качестве иллюстраций мы будем печатать стихи и прозу. Но, что называется, литературный процесс – это не к нам. «Разобрали поэта Кубышкина, том второй и шестой Кочерыжкина, альманах «Обгоревший фитиль»... – пусть этим занимаются другие. Тем более, что этих других хватает. Поэтому единственный критерий по отношению к публикуемым материалам – их содержание. Публиковались ли они раньше, в каком году были написаны, кто их автор (естественно, при получении его согласия на публикацию) – дело десятое. Из всего этого вытекает тематический принцип организации журнального номера. Вокруг заявленной темы и будет развиваться разговор. Для первого номера мы выбрали тему «Украина». Первый номер журнала во многом состоит из текстов, написанных самими членами его редколлегии. Это обстоятельство вынужденное. По двум причинам. Во-первых, мы не проводили никакой информационной кампании, считая, что само по себе появление нового журнала не есть особо интересный информационный повод. Во-вторых, хотели задать общее направление журнала, совпадающее, что естественно, с нашими личными взглядами и предпочтениями. В будущем мы, конечно, не предполагаем печатать преимущественно себя любимых. Наша цель – создать сообщество открытое, не обращая внимания на литературные кланы и тусовки. Для того, чтобы напечататься у нас, помимо желания или согласия автора, существует всего лишь одно дополнительное условие: нам должен быть интересен этот материал, пусть даже мы с ним и не согласны по существу. Нам можно предлагать прозу, поэзию etc, но основным содержанием журнала мы хотим сделать критические статьи и эссеистику. Словом, милости просим авторов и читателей. Тем более, что уже достаточно давно эти две категории почти совпадают.

ПОЭЗИЯ

Алексей Зарахович (Киев)

Выбор

* * *

Украина, ты ждешь стихов
Ждешь веселых до срока дел
Очарованных чумаков
Переливчатых женских тел
По Днепру за степной лиман
Пересыпется чешуя
Ходит рыба-налим в капкан
Есть у рыбы-налим стезя
Мимо черных ям, что ко дну
Мимо синих гор, что все дым
Украина, тебя одну
Научился любить налим
И покуда его несут
На плечах своих рыбаки
Видит родины красоту
Видит сети и челноки
Украина, каких врагов
Ждешь до срока, считая дни? —
Ходит рыбы налим остов
Гладят рыбу налим угли

* * *

Любимая, так холодно – апрель
Играет солнце в зайчика и волка
И с жизнью продлевает канитель
И кажет звезды на краю колодца
Вот звездочет – зачем он среди звезд
Вне отдалений и скупых расчетов
А вот поэт – зачем он не поет
В преддверьи чувств, в предчувствии полета
Любимая, не мне тебя будить
Минуют не года – минуют жизни

Отчизна, но какая из отчизн
Отчизн так много, остаются числа
И длится ночь... На линии одной
Луна и ты, и никакой преграды
Заламывая мир над головой
Вышагивать у мира за оградой
Что выбор мой, когда повсюду ты
Украина, окраина Орды

Проза

Ольга Ильницкая

Убей своего мадьяра

Папа говорил на тарабарском языке. Папа был в гипогликемической коме. В вене его торчала игла, толстый дядя в белом халате вводил глюкозу. Он спросил:

– Ваш отец мадьяр?

– Нет.

– Он читает стихи Петефи, по-мадьярски, – задумчиво сказал доктор. – Хорошо знает язык!

– Нет, – сказала мама, – он вообще языка не знает.

– Знает, – сказал доктор. – И – хорошо. Я венгр.

Спустя время я рассказала об этом отцу. Он удивился. Задумался. И поведал историю, после которой мне захотелось побывать в местах, о которых вспоминал папа. Найти памятник Шандору Петефи на берегу Дуная.

Я сразу увидела его, выйдя из машины в Будапеште, – сумасшедше красивого бронзового поэта. Он одиннадцать дней первым встречал меня по утрам и провожал по вечерам, а в промежутке была – Венгрия.

...С чердака игрушечного дома строчит пулемёт. Бой идёт на площади у городской ратуши, где домик синий соперничает с домиком жёлтым яростью красок. Припадая на левую ногу, натёртую новым хромым сапогом, молоденький капитан бежит за усатым ординарцем, не поспевая. Потом ординарец станет толстым председателем колхоза. А капитан – моим отцом.

Всё происходит быстро и сразу. Они взбегают на чердак, папа стреляет в пулемётчика, и, как внезапная летучая мышь, из тени выскакивает женщина. Федька, ординарец, бросается вперёд и вбок, собою прикрывает командира. Автоматная очередь. Фёдор падает. Женщина мечется, крича, раскинув крыльями руки. Над отброшенным автоматом дымок, как над чашкой чая.

...Белая скатерть вышита гладью, поле лиловых анютиных глазок на круглом столе. Сидят за столом черноглазые дети, пьют чай из фарфоровых чашек. Смеющаяся женщина держит на коленях младшенького, вытирает ему, пускающему пузыри, беззубый рот.

Папа головой трясёт, отгоняя видение. Федька лежит – и розовая пена пузырится в его пшеничных усах. Четыре пули вошли и остались в Федоре. Папа переступает через ординарца и идёт убивать женщину.

...Пододвинули чашку, варенье в блюдечке...

Детей у женщины трое, мал мала меньше. Папа смотрит на тонкие пальчики младенца. Женщина замерла. Убивать стало некого.

Отец возвращается к Фёдору, уже опустившему поголубевшие веки, и тащит его вниз, взвалив на спину.

Женщина догоняет на лестничном пролёте, прижимается к стене и, задев папу горячим телом, протискивается, протягивает папе маленький немецкий вальтер, требуя непонятного. Потом кричать перестаёт, внятно, настойчиво говорит: «Пуф». «Пуф», повторяет громче и опять кричит: «Пуф»! Верещат дети. Папа идёт прямо на неё, а она отступает, пятится, наставив на папу дрожащий пистолет и – падает. Папа не останавливается.

Я запомнила, случилось это в Секешвехерваре, в одном из домиков на центральной площади, в 1945 году.

Спустя время, папа возвращается в этот домик, и женщина не кричит на него, а из сложного чувства ненависти и удивления закрывает лицо руками. Говорит еле слышно:

– Он защищал свой дом, почему, почему ты, – она бьёт отца ребром ладошки, – не застрелил всех, что теперь делать?

Дети стоят, смотрят чёрными глазами. Молча.

Постепенно, из-за материнского инстинкта – необходимости выжить, женщина привыкла брать у папы его офицерский паёк. И подарила пистолет, из которого хотела убить, но не убила.

Её муж не был фашистом. Он был мобилизованным мадьярским солдатом немецкой армии, так сложилась его венгерская жизнь. Она же любила его, и ещё любила национального поэта, героического офицера, скончавшегося от боевых ран в позапрошлом веке, – Шандора Петефи.

Покачивая почти мёртвым лицом с гордым маленьким лбом, мадьярская женщина читает убийце своего мужа стихи великого поэта-воина.

На папином кителе много орденов и медалей. Я гладила их и пальцами читала буквы: «За взятие Праги и Берлина», «За взятие Кракова, Будапешта и Вены», «За взятие Секешвехервара».

Мне скажут, что медали дают только за столицы? Что нет медали за город Секешвехервар? Но мои пальцы знают, там ещё были буквы: «За озеро Балатон», «За переправу через Влтаву». Они так знают!

И – я держала в руках тот пистолет.

Вот я опять приехала в Венгрию. И вновь отправилась в Секешвехервар.

...И произошло расширение сознания, но не в голове, а... в груди. Стало сердце думающим. И твёрдым.

Дышу-дышу, продышаться не могу, боюсь вздохнуть, до посинения задерживаю выдох и – иду в голубых носочках, сквозь удушье, сняв туфли... И вижу труп.

Голоса работников в белых халатах говорят:

– Вы тело заберёте? Не заберёте тело? Оно вишен просит! И просит пистолет. Мы вам не выдадим тело. Пусть лежит!

Рядом женщины кормят детей из голубых чашек.

Когда ходишь в одном башмачке, мама умрёт. Нельзя в одном. А когда вообще без башмаков? Нет такой приметы.

В голубой чашечке белая кровь. Лейкемия у детей, разве не очевидно тебе? – говорят работники в белых халатах.

Вещий это сон, с четверга на пятницу – вещий!

...Спешит поезд Будапешт-Львов, спешу я, заглядываю в глубину свою. А за окном уже мелькание земли украинской. Что за городок «Шдзамкове»? Под замком или под замком? Замок сохранился? Это – львовщина. Значит, не сохранился замок. Подумать бы о чём-то целом. За окном то руины, то новострой, и составы товарняков бесконечны.

А когда по Венгрии – то сплошь цветы за окном, и крыши яркие в телевизионных спутниковых тарелках.

До чего же не празднична, убога – серая моя родина. У мадьяр

– кирпичи в целлофановой упаковке, на земле Украины сикось-накось палки в заборах, удобрения в рассыпку – всё мусор, всё в мусор.

И вдруг белый храм о пяти головах, вдали, у горизонта. И белый аист на телеграфном столбе посреди поля, а по полю брызги зайцев – врассыпную!

В Венгрии пережила сильное чувство – над каменным мадьяром в фашистской каске с рожками. Он лежит, схваченный в камень, с лицом, похожим на лицо отца моего. Может быть,

его мой отец убил? Я точно знаю, что на главной площади Секешвехервара мой папа убил своего мадьяра.

Почему жена и дети его были на чердаке, откуда поливал он пулемётным огнем советских солдат? Почему не в подвале была женщина и дети? Почему на их глазах – мой отец застрелил – их отца? Почему их мать не смогла убить моего папу?

Над памятником мадьяру в немецкой форме подумала я, что хороший мадьяр – мёртвый мадьяр. Ведь не лежи здесь он – камнем бы стал мой отец. Вот почему они так лицами похожи. И не было бы меня, с моей уже почти прожитой жизнью, мужчинами моими и нашими детьми.

Я испугалась. Не о папе, о себе испугалась. Ощутила пустоту здесь, рядом, в месте жизни, заполненном судьбой моей. Где бы мы все были, если бы не отец, а – отца? На той, второй мировой.

На базилике, рядом с памятником, видела я распятие, не похожее ни на одно из виденных прежде. На жёлтой стене вспучивается огромным, беременным животом, во всю стену, крест. И благодаря страшному напряжению тела Иисусова крест не сламывается над лаконичным: 1956.

Помню этот год. Мне пять лет. Папин полк поднят по тревоге. Нас, детей, сажают в теплушку, на солому. Вокзал приграничного городка Унгены. Молдова. Эшелоны направляются на станцию Чоп. Оттуда – с семьями в глубину Союза, воинские эшелоны – на Венгрию.

А где-то ещё есть трое детей, того, каменного в немецкой каске, те дети... они могут смотреть на меня – здесь и сейчас, на меня, вечно теперь стоящую под распятием... Из окошек яркого домика, какой из них – красненький, жёлтенький, голубой – скрывает этих моих побратимов смертью? И не знают они родства нашего.

Опустошённой почувствовала я себя, виноватой. Это место, в Секешвехерваре, вошло в меня новым о себе и о жизни знанием: нет от него защиты! Ни памятью, ни надеждой. Мечтой? Мечтой о Мире.

Чтобы Мир был во всем Мире всегда. Потому что убитый мадьяр и убивший отец – два солдата, уже сделавших своё дело. Они, тогда, в 1945-м, и я здесь и сейчас, в 2002-м...

...Уже мой отец умер, и умрём мы, дети солдат второй мировой, и наши дети – их внуки, станут жить дальше, дольше... Хорошо-то как! Пусть будет мир!

Я трогаю, глажу отцовский пистолет, из которого мадьярская женщина не убила моего отца, убившего мужа и отца её детей...

Он долго лежал под моей подушкой. Спустя годы, после той, трагической военной истории, – я поняла, что надо мне сделать с ним. Я провезла его через таможенные границы и, просверлив в стволе сквозную дырку, подарила любимому. А себе на память оставила обойму. Она всегда со мной, вместе с шомполом для чистки ствола.

И вот я опять приехала в Венгрию. И отправилась автобусом из Будапешта в Секешвехервар.

На игрушечной площади, чуть свернув в сторону, чтобы не смотрел на меня отовсюду тот самый чердак, ярко-жёлтая, сверкающая в солнечных лучах базилика приковала меня: два обнажённых бронзовых тела, в позах римских легионеров и в фашистских касках, смотрели с фронтона храма. Перед ними, на ступенях, лежал окаменевший мадьяр в солдатских обмотках. Носки каменных ботинок смотрели в небо.

А из неба смотрела я, десятилетняя, испуганная. Из того времени смотрела, когда захотела побывать в этих, с боями пройденных отцом, местах.

Вот я вижу его точёные и знакомые черты, и знаю, что это его, отцовские скулы – на мадьярском каменном лице.

Это тот, кого убил мой папа. Вот почему они так похожи друг на друга.

Я поцеловала каменное лицо.

Я нашла своего мадьяра, не успевшего убить меня.

Второе зачатие

Я воспитывался бабушкой. Мама моя активно занималась женработой, это означало, что муж ее был военачальником. Все силы она отдавала их общему делу. Он военному, она обеспечению тылов. Отец говорил, что со своей задачей мать справляется отлично.

Что касается лично меня, то родителям я был до лампочки. У папы стрельбы, у мамы женсоветы. Я оказывался у бабушки, которая была нормальным человеком, «не изуродованным идеологически, как твои несчастные родители» – ворчала она.

Воспитанием бабушка не докучала, ходила каждое утро на Привоз с бидончиком для козьего молока и поила меня регулярно. Любила она меня так, как только и любят враги врагов врагов своих. Всерьез.

Про врагов врагов мне объяснила соседка Дуся. Она сказала – все дети всегда враги своим родителям потому, что радость жизни отнимают. А внуки эту самую радость вроде как возвращают, в свою очередь отобрав у своих родителей. А уж они известно, чьи враги. Ты не переживай, голуба, – говорила Дуся, – так завсегда в жизни велось.

Мусорщик дядя Вася меня тоже учил. По окраинным улицам, где еще печи топили, собирал он жужелку и укладывал широким трактом от последней трамвайной остановки до окружной дороги. Говорил:

– Если этот мой жужелон слегка смазать средней жидкости бетоном, то и камаз пройдет, ни трещинки не оставит.

Еще дядя Вася был сексуально одержим красотой. Об этом он так рассказывал:

– Стоит мне увидеть бабу с большими цистернами, меня сразу кидает в жар и с души воротит. И я бегу к тем камням, за которыми девки патлы свои длинные глиной моют. А потом друг дружке волосы расчесывают. И я гляжу, гляжу, аж, ну до этого самого, пока не отпустит душу и не высветит до небесной голубизны. Девки-то все больше тонкие, блестящие, на статуэтки похожие. А раз статуэтка, то какая же тут похоть, какой грех? Одна радость сплошная от созерцания красоты.

Однажды я решил пойти с дядей Васей красоту посозерцать. Он позволил.

– Только, – говорит, ты ж не очень эмоции там показывай, ты радуйся молча, сосредоточенно. А не то конфуз выйдет, вроде как не созерцать пришли, а непристойно и подло подглядывать. И заклеймят нас на всю жизнь.

Испугал он меня, но я напрягся и пообещал.

Родители мои, как я понимаю, вели платонический образ семейной жизни. Дышали по ночам всегда ровно, и кровать у них не скрипела. Я проверял. Непонятно мне, откуда же я появился. Может, подкидыш или приемыш? Но стеснялся доставить им неудобство расспросами, боялся их огорчить. Думал, пусть лучше и не догадываются, что я в курсе...

Вот поэтому в сексуальном плане они меня вовсе не интересовали, я о происхождении думал часто, даже плакал иногда, ну просто жить мне этот неясный факт не давал.

Оказалось, что в отличие от других детей меня не один раз зачинали, а два. Это абсолютно точно известно дяде Васе.

– Первый раз, – задумчиво сообщил он, – были свадебные волнения, на руках он ее в дом вносил, туфельку невестину кто-то крал... Утром японское знамя гордо реяло во дворе на веревке. Для порядку жизни. Значит, с первого разу ты не получился. А вот второй твой раз... – тут дядя Вася сказал мне: умри!

Но умереть у меня не получилось, из-за любопытства. И мы пошли... Туда. Там, среди девок, была одна – вылитая моя мать. Мне из засады казалось так, во всяком случае. Волосы у нее до пояса, а то, что пониже, то великолепие, упругое и хрусткое как антоновка... мне зубами захотелось, аж рот свело, и я замычал...

– Ш-ш-ш, – зашипел дядя Вася, – это в тебе бесы кочевряжатся, а ты молитву Иисусову почитай, ты красоту постигай смиренно и через это пробьешься к вечному.

Все лето мы с дядей Васей через молитву Иисусову, смирение и красоту нерукотворную приобщались к вечному. До того самого раза, как решился он показать мое второе зачатие.

– Умри, – сказал мне опять дядя Вася страшным голосом. – Умри и только посмей затрепыхаться, вмиг обернешься жабой.

Третьи петухи еще не прокричали. Та, что с волосами и антоновкой, раскинувшись, как букет полевой, среди трав благоухала. А парень рыжий, неказистый такой – тю на тебя, дурень, – шепотком ругнул меня дядя Вася, – то ж батька твой, – так тот рыжий в траву присел, там, где букет рассыпался, а потом покачался на локтях и коленках и нырнул в букет, как под волну подныривают, на выдохе. Только и замелькали стебелечки ее слабые, темными прядями обвитые, и царил над нежной полевой сладостью крепкий подсолнух отцовской головы. И дыхание было зверское, казалось, что кроты всю землю насквозь прогрызли, и сквозняк темный вселенский дышит, дышит, надышаться не может. Да, видать, надышался.

И родился от этого я – рыжий и слаборукий бабушкин выкормыш.

Дикая

Из-под косой прядки светятся рысьи глаза с прыгающим взглядом. Ходит ссутулившись, но задирает подбородок. Черт-те какой эффект от такой постановки тела в пространстве. Вообще что-то дикое проступило вдруг в облике этой пятидесятилетней женщины. Что-то не сообразующееся с окружающим...

Я за ней наблюдал не первый день с нарастающим вниманием. В ее кабинете вечно кто-то торчал, но я переживал всех и, дождавшись своего часа, заходил, дверь на ключ закрывая.

Она молча наблюдала своими рыжими глазами за ежевечерней процедурой моего внедрения в кабинет. Никогда не слышал я протеста, всегда была одинаковая реакция: на стол ставились две чашки. А я доставал яблоки и бутылку вина. Она любила красное.

Но однажды мою бутылку она спрятала в шкаф, заменив коньяком.

В этот вечер я ее поцеловал. Она вытерла губы ладошкой, но так ничего и не сказала. Да мне и не нужно было, чтобы она говорила. Я тоже молчал.

С этого самого коньяка я ставил на стол две бутылки – красного и коньячную. А она распоряжалась, убирая одну из них.

Когда оставался коньяк, мы целовались. Вино же пили все реже.

Но сегодня она оставила на столе обе бутылки. И впервые заговорила. Лучше бы она молчала! Она сказала, что мы вполне сошлись во взглядах и вкусах, так что за это надо выпить. Мы выпили.

– И расстаться, – добавила она. – Потому что два похожих человека в одном кабинете – это даже не скучно, это уже занудство.

И я поступил так, как она хотела, – я пил коньяк и вино, потом целовал ее, потом задрал юбку и... она мне не мешала.

Все получилось на удивление просто, буднично. Она была нервной, быстро зажглась и остро реагировала на мое вторжение. Пока я ее «догонял», она поглаживала мне уши, почесывала их, словно кошку. Это раздражало меня, и я, перецеловав ей пальцы, холодные и цепкие, с необлупленным бледным лаком, сказал все те слова, которые говорят любимым женщинам. И сам удивился.

Она чутко подтвердила, что да, любишь уже тысячу три дня...

И мы выпили за тысячу три дня. А потом молча выпили «на посошок».

Она не пошла со мной, чтобы возле вокзала, как обычно, разбежаться в разные стороны. Я ехал один в пустом трамвае. Мне было грустно, и я думал, что она все-таки дикая. А она долго

сидела в кабинете. Я позвонил ей четырежды, она снимала трубку и слушала, как я молчу. Когда я в пятый раз набрал номер, она тихо сказала на мое молчание, что любовь вовсе не при чем. А при чем – похожесть, выражающаяся даже в одинаковой реакции на спиртное: красное – молчим, коньяк – целуемся, двойное – и молчим, и целуемся, и... положила трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.